

Научная статья
УДК 340

Неформальное регулирование отношений власти и религии в СССР: методология изучения

Юрий Валерьевич Зудов¹, кандидат исторических наук
Юлия Николаевна Гусева², доктор исторических наук, профессор

¹ Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Москва (125993, Садовая-Кудринская ул., д. 9), Российская Федерация

² Московский городской педагогический университет
Москва (129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1), Российская Федерация

¹ yury.zudov@mail.ru, ² j.guseva@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0003-1729-1799>, ² <https://orcid.org/0000-0002-5731-7274>

Аннотация:

Введение. В статье очерчивается предметное поле, методологические подходы и методы изучения неформальных правил и практик, характерных для сферы регулирования государственно-религиозных отношений в России (на примере советского периода отечественной истории). Современные исследования режимов власти и моделей правового регулирования уделяют большое внимание этому вопросу, отмечая, что неформальные правила и практики оказывают существенное влияние на формальные нормы, правовое регулирование и правоприменительную практику.

Методы. Авторы характеризуют историографические наработки, отражающие отечественную управленческую модель в ракурсе неформальности. Рассматривается возможность использования методологических рамок неоинституционального подхода Дугласа Норта и антропологической трактовки институционального анализа Мэри Дуглас для изучения сферы управления религиозными институтами. Таким образом авторами предлагается новаторский междисциплинарный подход к рассматриваемой теме.

Результаты. В результате предлагается авторское видение предмета, направлений и методов исследований в этой области с учетом специфики актуальной историографии и опубликованных источников, отражающих особенности советских неформальных практик управления государственно-религиозными институциональными взаимодействиями.

В числе базовых характеристик советской управленческой модели часто отмечают приоритет устных, личных приказов и поручений над письменными инструкциями и распоряжениями. Кроме того, так называемые «неписанные правила», характерные для позднесоветской модели правового регулирования, во многом присутствуют и в современной ситуации регулирования взаимоотношений государства и религиозных организаций. Это доказывает значимость изучения советского пространства неформальных правил и практик в религиозной сфере. **Вывод.** Такая программа позволяет дать максимально полную картину исторического прошлого.

Ключевые слова:

неформальные правила, механизмы неправового регулирования, неписанные правила, неформальные институты, государственное управление в СССР, государственно-религиозные отношения в СССР

Для цитирования:

Зудов Ю. В., Гусева Ю. Н. Неформальное регулирование отношений власти и религии в СССР: методология изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 19–27.

Статья поступила в редакцию 26.03.2025;
одобрена после рецензирования 07.07.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Informal regulation of relations between state power and religion in the USSR: research methodology

Yury V. Zudov¹, Cand. Sci (Hist.)

Julia N. Guseva², Doc. Sci (Hist.), Professor

¹ Moscow State Law University named after O. E. Kutafin

9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russian Federation

² Moscow City Pedagogical University Moscow

4, bld. 1, 2nd Selskokhoditelny Proyezd, Moscow, 129226, Russian Federation

¹ yury.zudov@mail.ru, ² j.guseva@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0003-1729-1799>, ² <https://orcid.org/0000-0002-5731-7274>

Abstract:

Introduction. The article defines the subject field, methodological approaches and methods of studying informal rules and practices typical for the sphere of regulation of state-religious relations in Russia (on the example of the Soviet period of national history). Modern studies of power regimes and models of legal regulation draw much attention to the issue, noting that informal rules and practices have a significant impact on formal norms, legal regulation and law enforcement practice.

Methods. The authors describe the historiographical developments reflecting the national managerial model from the perspective of informality. The authors consider the possibility of using the methodological framework of Douglass North's neo-institutional approach and Mary Douglas's anthropological interpretation of institutional analysis in studying the sphere of religious institutions' management. Thus, the authors propose an innovative interdisciplinary approach to the subject under consideration.

Results. As a result, the authors' vision of the subject, directions and methods of research in this area is proposed in consideration of the specifics of current historiography and available publications reflecting the peculiarities of Soviet informal practices of managing state-religious institutional interactions.

The priority of verbal, personal orders and assignments over written instructions and directives is often considered to be one of the basic characteristics of the Soviet management model. In addition, the so-called "unwritten rules", typical for the late Soviet model of legal regulation, are largely present in the modern situation of regulation of relations between the state and religious organisations. This proves the importance of studying the Soviet space of informal rules and practices in the religious sphere.

Keywords:

informal rules, mechanisms of non-legal regulation, unwritten rules, informal institutions, state administration in the USSR, state-religious relations in the USSR

For citation:

Zudov Yu. V., Guseva Y. N. Informal regulation of relations between state power and religion in the USSR: research methodology // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 19–27.

The article was submitted March 26, 2025; approved after reviewing July 7, 2025; accepted for publication September 25, 2025.

Введение

В современных научных исследованиях, посвященных институциональному и неинституциональному¹ анализу общественных отношений, нередко утверждается, что даже в высокоформализованных институциональных и организационных структурах наряду с формальными правилами² действуют и правила неформальные³ – причем последние оказывают существенное влияние на формальные нормы, правовое регулирование и правоприменительную практику.

Исследования режимов власти и моделей правового регулирования уделяют большое внимание изучению неформальных правил и практик, отмечая их особую важность для понимания побудительных мотивов, которые создают пространство и задают пределы для политического поведения, для анализа последствий работы формальных институтов в сфере законодательной

¹ Институциональная и неинституциональная теории исходят из того, что институциональные структуры (институты) имеют решающее значение в социально-политической жизни. Институциональные правила и нормы существенно влияют на индивидуальные предпочтения и поведение, а, следовательно, на общественно-политические процессы и результаты. Под «социальным институтом» мы понимаем организации (организации организаций), которые имеют собственный сложившийся механизм функционирования формальных и неформальных правил, обуславливающий характер доступа к символическому (в нашем случае религиозному) ресурсу и порядок использования данного ресурса. Правило само по себе может выступать как социальный институт, установление с внешней принудительной силой.

² Формальные правила – это официально закрепленные или зафиксированные правила, процедуры и нормы, которые создаются, распространяются и соблюдаются с помощью каналов, широко признанных официальными (избирательные системы, конституции, законы, договоры, уставы партий, правила и контракты и пр.).

³ В самых общих чертах неформальные правила представляют собой принятые в обществе, обычно неписанные правила, создающиеся, становящиеся известными и насаждающиеся вне официально санкционированных каналов.

и судебной политики, партийного строительства, финансового поведения, смены режимов, федерализма, отправления общественных обязанностей и, наконец, для государственного строительства как такового [1]. Российская модель управления не является исключением из этого правила.

Методы

Из общенаучных методов в исследовании применялись анализ и синтез, а также сравнительный метод. На основе методологических подходов из различных областей современного гуманитарного знания авторами предлагается новаторский междисциплинарный подход к рассматриваемой теме.

Многочисленная политологическая, социологическая и экономическая историография наглядно доказывает, что современная система управления в России состоит из смеси формального управления, являющегося результатом законодательного регулирования, официальных иерархий и политики, и неформальных установок, практик и сетей влияния. Во многих сферах прослеживается сосуществование параллельных систем организации (фиктивной и фактической), что в значительной степени отражает разделение на формальную и неформальную реальности российской жизни.

Россия также нередко становится объектом для сравнительных политологических исследований в странах Азии, Африки и Латинской Америки, посвященных неформальным институтам на постсоветском пространстве [2].

Ряд работ отечественных исследователей, описывающих неформальные практики, посвящены российской кулуарной политике [3, с. 102–120]. Элитологи анализируют формальные характеристики региональных властных сообществ, в т. ч. показывая, как соотносятся «неформальное» и «формальное» в процессе институционализации российской элиты [4, с. 10–30]. Большое внимание формальной и неформальной реальности уделяется при изучении теневизации российской экономики, выработке агентами бизнес-стратегий и стратегий лоббизма [5; 6, с. 6–27].

Результаты

Исследователи соглашались в том, что для понимания «правил игры» в России очень важно принимать во внимание так называемые «неписанные правила». Они отмечают как важную черту современной модели управления ее генетическую связь с позднесоветской политико-правовой, социальной системой [7, р. 17–28], сохраняющееся политико-правовое наследие [8, р. 121]. Это утверждение представляется обоснованным: хотя неформальные институты значимы для государственных служащих в большинстве стран мира, но они особенно заметны на постсоветском пространстве [9, р. 240–274]. Все это доказывает значимость изучения советского пространства неформальных правил и практик не только для исторического анализа, но и для понимания современной специфики правового регулирования и государственного управления, в т. ч. в религиозной сфере.

Анализ историографии демонстрирует, что тема неформальности в области экономики и права в советскую эпоху представлена довольно широко [10, р. 389–412], однако этого нельзя сказать об интересующей нас сфере взаимодействия государства и религиозных институтов.

Сегодня сформировано общее понимание того, как на самом деле (а не формально) работали советская экономика и управление [11; 12*]. В свою очередь усилия правоведов направлены на изучение советского права и особенностей «второго правосудия» как набора неформальных практик, причинами которого являлись прежде всего отсутствие реального разделения властей и зависимость судебной власти от исполнительной⁴. В числе базовых характеристик советской управленческой модели отмечается приоритет устных, личных приказов и поручений над письменными инструкциями и распоряжениями [13, р. 459], значимость «телефонного права»⁵.

Наибольший вклад в исследования советских неформальных правил и практик внесла интернациональная команда политологов под руководством Алены Леденевой. В базе данных, сформированной по итогам коллективного исследовательского проекта «Глобальная энциклопедия неформального» (*The Global Encyclopedia of Informality*), представлены в т. ч. материалы по России и СССР с акцентом на современность [13].

⁴ Исследования советских политических элит иллюстрируют, как Коммунистическая партия вмешивалась в судебную систему. Именно ведущая роль партии, ее статус над законом и ее защита по отношению к закону в конечном итоге подрывали независимость правовых институтов.

⁵ «Телефонное право» («телефонное правосудие») можно определить как неформальное влияние или давление, оказываемое на судебную систему, или, более широко, как зависимость правовой системы от политических порядков.

* Настоящий материал (информацию) произвел иностранный агент Митрохин Николай Александрович, либо материал (информация) касается деятельности данного иностранного агента.

Нет оснований полагать, что неформальные правила и подходы, характерные для советской правовой системы в целом, не касались сферы администрирования государственно-религиозных отношений, однако известно об этом чрезвычайно мало. Предпочтение исследователями отдается изучению советского законодательства и права (формальных правил), тому, как должны были выстраиваться взаимодействие государства и религиозных институтов и организаций, исходя из нормативных требований [14*, с. 505–511]. При таком подходе видимой является лишь верхушка политико-правового «айсберга», находящаяся в нормативно-правовой сфере.

Слабый «бумажный след» неправовых практик во многом объясняет их непроработанность в историографии советских государственно-религиозных отношений. Тем временем опубликованная переписка председателя Совета по делам Русской православной церкви Совета Народных Комиссаров СССР Г. Г. Карпова (1898–1967) с патриархом Алексием I (1877–1970) свидетельствует, что основное вмешательство государственной бюрократии в церковные дела шло именно через неформализованные каналы, осуществлялось неформальными методами [15*]. Также и Ренат Беккин, рассматривая взаимодействие государства и духовных управлений мусульман, приходит к выводу, что механизмы контроля государства над муфтиятами во многом опирались и опираются на неписанные правила. Однако исследователь описывает их общими категориями [16, с. 43].

Очевидно, что взаимодействие между двумя ключевыми социальными институтами – государством и Русской православной церковью не могут быть поняты исключительно в рамках формального, нормативного поля, как это представлено в подавляющем большинстве современных исследований. Образно говоря, необходимо заглянуть за стоящую перед нашими глазами советскую политико-правовую фальшпанель, которая задавала лишь самые общие рамки взаимодействий и часто служила камуфляжем социальной реальности государственно-религиозного взаимодействия.

В настоящей статье мы предлагаем новый подход к изучению этой важной научной проблемы. Для понимания неформальной, «теневой», стороны взаимодействия обоих институтов (государство-религиозные институты) нам необходимо: описать методологические подходы к исследованиям неформальных правил и практик в целом, их эвристический потенциал; определить возможные направления и конкретные методы междисциплинарных исследований таких правил в области государственно-религиозных отношений в исторической ретроспективе. Для сужения предметного поля мы хронологически ограничимся советским периодом, который принципиально важен для понимания постсоветской секулярной модели управления в этой сфере.

Методологические подходы в исследовании неформальных институтов и их эвристический потенциал

Институциональный и неинституциональный подходы в изучении политэкономии обществ в прошлом и настоящем указывают на «сквозной» характер неформальных институтов, существующих одновременно с формальными институтами. Как отмечает основоположник неинституциональной теории социально-экономического развития, нобелевский лауреат Дуглас Норт (1920–2015), «проще описать формальные правила, создаваемые обществом, и следовать им, чем описать неформальные правила (*informal rules*), которыми люди структурируют свои взаимоотношения, и следовать этим правилам. Но хотя содержание неформальных правил не поддается точному описанию, они имеют большое значение» [17, с. 56].

Формальные институты регулируют социальную жизнь с помощью формальных правил и санкций и отличаются от другого источника социального регулирования – неформальных стимулов и ограничений, присущих культурным укладам, социальным порядкам и традиционным практикам. Неформальные правила и практики могут основываться не просто на культурных факторах, но и на ожиданиях, регулируемых неформальными правилами и внешними санкциями [1, р. 730–731].

Что из себя представляют неформальные правила? Дуглас Норт исходит из того, что неформальные правила складываются стихийно, в процессе множества взаимодействий между агентами, как общепринятый способ снижения трансакционных издержек. Они возникают из информации, передаваемой посредством социальных механизмов, и являются частью того наследия, которое мы называем культурой [17, с. 57]. Возникая как средство координирования устойчиво повторяющихся форм человеческого взаимодействия, неформальные ограничения (правила) являются: 1) продолжением, развитием и модификацией формальных правил; 2) социально санкционированными нормами поведения; 3) внутренне обязательными для человека стандартами поведения [17, с. 61].

Именно такие нормы создают легитимную основу для действия законов, а игнорирующие их революционные изменения законодательства часто приводят к результатам, отличаю-

* Настоящий материал (информацию) произвел иностранный агент Митрохин Николай Александрович, либо материал (информация) касается деятельности данного иностранного агента.

щимся от ожидаемых [17, с. 10–11]. Норт предполагает, что для эффективной работы формальных институтов необходимо, чтобы формальные правила «дополнялись неформальными ограничениями (убеждениями, нормами поведения), которые дополняют их и снижают затраты на обеспечение соблюдения правил». Как и формальные институты, неформальные правила и практики могут иметь как слабую, так и сильную степень влияния на общественные процессы.

Чтобы считаться неформальным институтом, «поведенческая закономерность должна соответствовать установленному правилу или ориентиру, нарушение которого влечет за собой некоторую внешнюю санкцию» [1, р. 727]. В отличие от формальных механизмов принуждения (полиция, суды), неформальные механизмы санкций часто бывают тонкими, скрытыми и даже незаконными. Санкции могут варьироваться от враждебных замечаний, сплетен, остракизма и других проявлений общественного неодобрения до внесудебного насилия⁶.

Неформальные правила также подвержены изменениям, но если законы могут быть изменены в течение короткого времени, то неформальные нормы, встроенные в более широкий контекст социально-политической культуры, трансформируются постепенно [18, р. 42–43]. Элла Панеях подмечает: «Формальное право предстает как фиксация устойчивого ядра уклада, а неформальные правила – как его изменчивая периферия» [19, с. 37].

Взаимоотношения между формальными и неформальными правилами и институтами описываются исследователями различными способами. Например, Э. Панеях предлагает четыре сценария взаимодействия между ними: продуктивный (реформаторский), консервативный (легитимизирующий), оппортунистический и контрпродуктивный [19, с. 33–52].

Отличие неформальных правил от неформальных практик

Неформальные практики, которые «укоренены в зоре законов и неписанных норм поведения» – это компромисс формальных правил и социальных норм⁷. «Образно говоря, неформальные практики – это мосты, опорами которых являются, с одной стороны, законодательные правила, с другой, – социальные нормы» [20, р. 11].

А. Леденева пишет: «Неформальные практики – это способы решения проблем, которые используются там, где формальные институты не предоставляют адекватных условий или позволяют играть по правилам системы и нарушать дух правил, но не их букву. Неформальные практики могут ускользать от официального дискурса, но они отражают „ноу-хау“ того, что работает на бытовом уровне... Не существует „хороших“ или „плохих“ неформальных практик. Люди – социальные существа, и их связи в основе своей двойственны. В ситуации, когда государство неспособно обеспечить их потребности, люди могут обратиться к своим неформальным сетям, чтобы удовлетворить свои нужды и планы» [2].

Модели управления в современной России опираются на концентрические круги «неписанных правил», которые являются текучими, устойчивыми к артикуляции и неуловимыми, и помогают их воспроизводить. Такие неписанные правила сохраняют дискрецию и обеспечивают дополнительный контроль на основе неформального рычага для достижения заявленных целей. Их скрытая социальная функция заключается в том, чтобы различать «своих» и «чужих».

Таким образом, мы можем сформулировать итоговые определения описанных понятий.

Неформальные («неписанные») правила – хорошо известные субъектам социальных взаимодействий ограничения, которые создаются, становятся известными и насаждаются вне официально санкционированных каналов. В совокупности с процедурами и санкциями за нарушение в рамках неинституционального подхода они могут обозначаться как неформальные институты.

Неформальные практики – «деятельность акторов, направленная на преобразование сложившихся в обществе формальных институтов для создания необходимых условий своего существования и развития» с целью обхода формальных ограничений и установлений [21, с. 18].

Неформальные практики действуют короткое время, часто возникают для решения ситуационной задачи, в то время как неформальные институты (правила) носят долгосрочный характер, применяются регулярно. В практики вовлечены лишь заинтересованные акторы, а институты воспринимаются как нормативный образец всеми акторами (или же государством и большинством акторов) [21, с. 19].

Д. Норт также обращает внимание на то, что одни и те же институты по-разному работают в разных обществах. Это связано с тем, что большое влияние на них оказывают

⁶ Однако неформальные правила не следует путать с неформальными поведенческими закономерностями, такими как мода, тенденции или привычки.

⁷ Необходимо отметить принципиальные отличия в оценке неформальных практик в разных науках: если экономисты видят в них естественную реакцию общества на неэффективную государственную политику, часто отмечают их «теневую» (коррупционную) составляющую, то социологи рассматривают их как естественную основу символического порядка, используемую для обеспечения социального контроля и организации социальных различий.

«убеждения» (*beliefs*) и «эффект колеи» (*path dependence*; «тропа зависимости»)⁸. Убеждения оказывают влияние на поведение людей, при этом они должны сочетаться с реальным поведением индивидов, относящихся к тем институтам и организациям, с которыми они взаимодействуют [22, с. 433].

Норт отводил общим убеждениям большую роль в формировании институтов, описывая идеологии как «общие ментальные модели», как интерпретации мира, которые во многом способствуют развитию формальных норм.

Большинство институтов включают в себя следующие три элемента: регулятивный (регулирующий поведение людей), нормативный (морально поощряющий или принуждающий людей действовать «надлежащим» образом в соответствии с институциональными ценностями и нормами) и культурно-когнитивный (общепринятые и само собой разумеющиеся представления, интерпретации, смыслы, рамки и схемы)⁹.

Полагаем, что при изучении религиозных институтов особое значение имеет их культурно-когнитивная составляющая: ценности, нормы, принципы, убеждения, знания о мире и о себе, которые они предлагают собственным членам и транслируют в обществе.

В книге британского антрополога Мэри Дуглас «Как мыслят институты» предложена антропологическая версия институционального анализа [23]¹⁰, на которую можно опереться для понимания внутренней когнитивной логики развития религиозных институтов, коллективного способа мышления их членов [24, с. 220–231].

Дуглас рассматривает социальные институты как легитимированные социальные группы и когнитивные конвенции, определяющие практики солидарности и коллективного действия. «У институтов не может быть собственного сознания, но и у людей нет другого способа принимать важные решения, кроме как в рамках институтов, которые они создают», – отмечает она [23, с. 63]. При этом только правового, юридического существования любого института недостаточно: «Нельзя сказать, что группа „действует“ – и еще меньше, что она мыслит или чувствует, – только потому, что она имеет правовой статус» [23, с. 63].

Поэтому институт, который заинтересован в своем выживании и сохранении прежней формы, приобретает легитимность путем специфического укоренения себя в природе и в разуме, предоставляя своим членам «ряд аналогий, позволяющих исследовать мир и обосновывать естественность и разумность установленных правил» [23, с. 207], контролирует память своих членов, обеспечивает мышление своих сторонников категориями, определяет условия для самопознания и фиксирует их идентичности.

В итоге институты, их материальные формы и социальные практики могут не просто формировать когнитивные процессы, но и быть их частью, кроме прочего, закрепляя социальную систему взглядов путем сакрализации принципов и убеждений.

Содержание и направления исследований неформальных практик и правил для изучения государственно-религиозных отношений в советский период

Выявление и измерение пространства неформальных практик и правил в управлении представляет собой серьезную исследовательскую проблему. Очевидно, что количественные методы в этом случае не работают, т. к. распространенность неформального влияния трудно документировать.

А. Леденева обращает внимание на то, что проявления неформального управления в современности трудно контролировать и измерять еще и потому, что «инсайдеры часто сами не осознают эти сложности полностью – или они выработали способность отрицать для себя то, что они делают» [7, р. 24].

Этапы и направления изучения. Первым шагом является описание самого сообщества, к которому применяются неформальные правила и изучение того, как его членами соблюдаются неформальные правила. Для этого необходимо:

- Выявить устойчивые модели поведения (в нашем случае – клира и прихожан религиозного института), которые не соответствуют формальным правилам, задающимся как внутри него самого, так и извне, то есть государственными институтами.

- Зафиксировать, как декларируемое или слаборефлексируемое правило нарушается, и реакцию на нарушение. Если за этим последует санкция и, возможно, изменение социального порядка, то это означает, что правило релевантно для изучаемого сообщества и определенные предписания и запреты для него действительно важны.

⁸ «Эффект колеи» – способ, при помощи которого институты и убеждения, сформированные в прошлом, влияют на нынешние решения; основанное на историческом опыте прошлого ограничение возможностей выбора в настоящем.

⁹ Значимость этих элементов может различаться в рамках конкретного институционального порядка и в разных институциональных условиях.

¹⁰ В рамках этой концепции институты не отождествляются со структурами власти или экономики, но понимаются как принципиальные основания моральных и этических норм, определяющие и ограничивающие поведение индивидуумов.

– Определить общие ожидания акторов, их отношение к фактическим ограничениям, с которыми они сталкиваются.

Второй шаг состоит в том, чтобы зафиксировать неформальные правила и практики, характерные для всей политико-правовой и социальной системы отношений в СССР, и уяснить их релевантность по отношению к советской государственной модели управления религиозными институтами. Для этого необходимо:

– выявить противоречия между содержанием правовых актов и непосредственным правоприменением; определить практики, в которых фиксируются эти противоречия (ложная отчетность, сфера применения личных связей – блат и пр.) [20, р. 17];

– вести изучение прерогативного права¹¹ на местном уровне, где оно просматривается более явно, описать случаи и механизмы прямого вмешательства заинтересованных акторов в решение церковных вопросов;

– обнаружить кейсы, в которых похожие формальные правила приводят к разным результатам (следует принимать во внимание, что в данном случае есть риск перепутать неформальные институты и слабые институты);

– ответить на вопрос: каковы были механизмы принуждения к соблюдению неформальных правил?

Важно упомянуть, что, снижая риски, советская бюрократия часто ограничивалась устными инструкциями представителям религиозных организаций в частных беседах или по телефону. В связи с этим перспективным видится исследовательский поиск общего пространства физических контактов: мест неформальных встреч иерархов Русской православной церкви (далее – РПЦ) и представителей советского политикума.

Методы и источники изучения неформальных правил и практик: общие замечания

Индуктивный метод (от частного к общему) в плане анализа неформальных политических практик и институтов представляет больше возможностей для исследователей, нежели *дедуктивный* [25, с. 106].

В нашем случае можно использовать *метод суждения по аналогии*: оттолкнуться от уже описанных советских неформальных правил и практик, выявляя пересечения или принципиально новые явления, которые следует описать и классифицировать. Требуется научной проверки гипотеза о влиянии на сферу государственно-религиозных отношений, существовавших в СССР, «неписанных» правил. Одна из глав «Глобальной энциклопедии неформального» («Контроль: инструменты неформального управления») описывает такие неформальные практики советской эпохи, как блат, телефонное право, «кураторы», «политика страха», практики сбора и использования компромата как средство устранения конкурентов или защиты интересов определенных акторов, обладающих материальным и / или символическим ресурсом и ряд других.

К этой категории исследователи относят характерные для постсоветской России клиентелизм, неформальные договоренности, селективное применение законодательства, деформализация правил и пр. Используя *историко-генетический метод*, можно попытаться выявить истоки современных неписанных правил в советском обществе.

В качестве одного из базовых методов А. Леденева предлагает использовать *качественные интервью с инсайдерами* – людьми, работавшими «во власти». Такой подход – интервью с критиками-инсайдерами – позволяет исследователю успешно выявлять институционализированные паттерны неформального управления. В нашем случае это могут быть служащие советских ведомств, отвечавшие за реализацию государственной политики в отношении религиозных организаций или работавшие в органах советской юстиции и соприкасавшиеся с данной проблематикой.

Описывая взаимодействие современного российского государства и РПЦ в категориях институционального анализа, Кирилл Лапицкий обращает внимание, что формальные правила формируют «язык публичных объяснений и риторических высказываний, которые маскируют неформальные практики» [26, с. 24–27]. Для деконструкции, выявления закамуфлированных сообщений важен анализ официальных церковных текстов, в т. ч. материалов «Журнала Московской Патриархии», которые, с одной стороны, показывают, какие внешние нарративы присваиваются религиозными институтами, с другой – какие именно неформальные правила камуфлируются. В работе с подобными источниками может быть эффективен *когнитивный метод* выявления неформальных правил, предложенный Эллой Панеях [19].

В отношении опубликованных источников и историографических находок, на которые можно опереться в ходе подобного исследования, необходимо отметить следующее.

¹¹ Прерогативное право подразумевает, что параллельно с формальной правовой системой действуют личные и политические сети, которые часто осуществляют власть вопреки писаным нормам. Для его описания также используется термин «второе правосудие».

Прежде всего интерес вызывают конфликтные поля – пространства несовпадений нормативного и фактического в политике, праве и социальном укладе вообще. В литературе зафиксированы отдельные ситуации, выражающие открытое сопротивление верующих существующему порядку (например, волнения как стихийные реакции на закрытие монастырей и церквей в 1959–1960 гг.). Как стратегии пассивного сопротивления и для анализа столкновений нормативных, формальных, предписаний с убеждениями верующих можно рассматривать «письма верующих во власть», в которых они формулируют свои ожидания и предпочтения [27–29]. В публикациях эти сюжеты анализируются в контексте изучения идентичности «советских верующих» и выбора стратегии их выживания в социалистической реальности.

Историками, религиоведами начато изучение «серой» зоны государственно-религиозных взаимодействий [30], которую можно рассматривать как пространство доминирования неформальности. Значительный эмпирический материал по данной теме содержат опубликованные документы советских спецслужб, отражающие форматы их взаимодействия с церковными иерархами и религиозными организациями [31].

Для понимания коллективных представлений и выявления форматов, содержания неформальных правил и практик большое значение имеет рефлексия самих представителей церкви разного уровня, отраженная в воспоминаниях, интервью о событиях и самоощущении верующих в советскую эпоху [32–35]. Примером использования элементов неинституционального подхода к анализу взаимодействий в области неформальных правил и практик государственного управления мусульманскими религиозными организациями является работа Р. Беккина. В ней он интервьюирует ряд чиновников, отвечавших за «исламскую тему» в первое постсоветское десятилетие, и пытается выявить действовавшие в то время «неписанные правила» [16].

Помимо мемуарной и биографической литературы, материалы, отражающие неформальные практики, можно найти в архивных документах Совета по делам религий при Совете министров СССР¹², исследованиях отечественных и зарубежных историков [36; 37], а также почерпнуть сведения из воспоминаний и интервью сотрудников Совета по делам религий. Большой интерес представляют материалы единственного в советское время периодического печатного издания РПЦ «Журнала Московской патриархии», который, несмотря на жесткую цензуру и подчеркнутую лояльность его авторов советскому режиму, может быть исследован с позиций наличия «красноречивых умолчаний» о важнейших церковно-политических событиях и формирования своеобразного «эзопова языка» советской церковной прессы.

3 заключение

В изучении пространства неформального, характерного для области государственного управления религиозными институтами, представляется методологически эффективным соединением неинституциональной аналитической рамки (для характеристики государственных институтов, политико-правовых социальных отношений, типичных для советского общества в целом) с антропологическим прочтением институционального анализа. Последний дает возможность изучения коллективного мышления членов религиозных институтов и поиска точек пересечения представлений, убеждений, сакрализованных ценностей с советским социальным порядком, включая характерные для него неформальные правила и практики.

Таким образом, нами сформулированы основные понятия, аналитическая рамка, ключевые вопросы и методы исследования неформальных правил и практик управления в области государственно-религиозных отношений в советский период отечественной истории. Полагаем, что они могут служить серьезными академическими основаниями для проведения такого рода исследований.

Список источников

1. Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspectives on Politics*. 2004. Vol. 2, № 4. P. 725–740. <https://doi.org/10.1017/S1537592704040472>
2. Ledeneva A. (ed.). *The Global Encyclopaedia of Informality: Understanding Social and Cultural Complexity*, Vol. 1. London : UCL Press, 2018. 434 p. <https://doi.org/10.14324/111.9781911307907>
3. Витковская Т. Б. Депутаты представительных органов местного самоуправления в пространстве неформальных практик // *Власть и элиты*. 2023. Т. 10, № 2. С. 102–120. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.5>
4. Колесник Н. В. Практики воспроизводства российской элиты: неформальный аспект // *Власть и элиты*. 2017. Т. 4, № 4. С. 10–30. <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.1>
5. Дегтярёв А. А. О роли формальных принципов и неформальных правил в современном GR-менеджменте // *Государство, бизнес, Общество: современные теории и российские реалии* / под ред. Л. Е. Ильичевой. Москва : Аналитик, 2012. С. 63–78.
6. Левин С. Н., Саблин К. С., Руцкий В. Н. Практики взаимодействия предпринимателей с властью в регионах «ресурсного типа» современной России: «картины власти» и подходы к исследованию // *Мир России*. Т. 27, № 3. С. 6–27. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-3-6-27>

¹² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991.

7. *Ledeneva A., Granville C., Hanson P.* Sistema – Russia's Informal System of Power // Barisch K. (ed.). Three views on modernization and the rule of law in Russia. London : Center for European Reform, 2012. P. 17–23.
8. *Solomon P. H.* Law in Public Administration: How Russia Differs // The Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2008. Vol. 24. № 1. P. 115–135. <https://doi.org/10.1080/13523270701840498>
9. *Hendley K.* Are Russian Judges Still Soviet? // Post Soviet Affairs. 2007. Vol. 23. № 3. P. 240–274. <http://doi.org/10.2747/1060-586X.23.3.240>
10. *Heinzen J.* The Art of the Bribe: Corruption and Everyday Practice in the Late Stalinist USSR // Slavic Review. 2007. Vol. 66. № 38. P. 389–412. <http://doi.org/10.2307/20060294>
11. *Хлевнюк О. В.* Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. Москва : Новое литературное обозрение, 2023. 320 с.
12. *Митрохин Н. А.** Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах : в 2 т. Москва : Новое литературное обозрение, 2023.
13. *Ledeneva A. et al. (ed.).* The Global Encyclopedia of Informality, Vol. 2. London : UCL Press, 2018. 538 p. <https://doi.org/10.14324/111.9781787351899>
14. *Митрохин Н. А.** Болезнь под названием «фонд уполномоченного» или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 505–511.
15. *Митрохин Н. А.** Советская власть, церковь и верующие в послевоенный период // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2008. № 3 (59). С. 89–93.
16. *Беккин Р. И.* «Люди в верности надежные...»: Татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века). Москва : Новое литературное обозрение, 2022. 552 с.
17. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. Москва : Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. 190 с.
18. *Sarigil Z.* How Informal Institutions Matter : Evidence from Turkish Social and Political Spheres. United States of America : University of Michigan Press, 2023. 216 p. <https://doi.org/10.3998/mpub.12334157>
19. *Панеях Э. Л.* Неформальные институты и формальные правила: закон действующий VS. Закон применяемый // Политическая наука. 2003. № 1. С. 33–52.
20. *Ledeneva A. V.* How Russia Really Works : The Informal Practices that Shaped Post-Soviet Politics and Business. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2006. 288 p. <https://doi.org/10.7591/9780801461682-004>
21. *Матвеев А. А.* Соотношение неформальных институтов и практик // Власть. 2011. № 8. С. 18–21.
22. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. Москва : Издательство Гайдара, 2011. 480 с.
23. *Дуглас М.* Как мыслят институты / пер. с англ. А. М. Корбуа. Москва : Элементарные формы, 2020. 250 с.
24. *Давыдов И. П., Фадеев И. А.* Как мыслят церковные институты: механизмы формирования этноконфессиональной идентичности // Диалог со временем. 2024. Вып. 89. С. 220–231. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.015>
25. *Макарин А. В., Будко Д. А.* К вопросу о классификации неформальных политических практик // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Международные отношения. 2013. Вып. 4. С. 103–109.
26. *Лапицкий К. В.* Характеристика форм взаимодействия Русской православной церкви и российского государства: институциональный анализ // Общество: политика, экономика, право. 2017. Вып. 11. С. 24–27. <https://doi.org/10.24158/per.2017.11.5>
27. *Беглов А., Белякова Н.* «Пишите хоть Папе Римскому». Письма верующих из СССР римскому понтифику: формирование и бытование традиции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 4 (39). С. 169–199. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-4-169-199>
28. *Белякова Н. А.* Советские по стилю, религиозные по содержанию. Письма верующих во власть в период позднего социализма // Российская история. 2019. № 1. С. 207–214; <https://doi.org/10.31857/S086956870004236-0>
29. *Савин А. И., Деннингхаус В. А.* «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия XXI. 2017. № 6 (ноябрь–декабрь). С. 118–141.
30. *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» : церковное подполье в СССР. 2-е изд., испр. и доп. Москва : РОССПЭН, 2018. 350 с.
31. *Савин А. И.* Религиозные организации в СССР глазами 5-го Управления Комитета государственной безопасности (1971 год) // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 188–205. doi:10.31518/2618-9100-2022-2-12
32. *Августин (Никитин Дмитрий Евгеньевич; архимандрит).* Церковь плененная: митрополит Никодим (1929–1978) и его эпоха (в воспоминаниях современников). Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. 674 с.
33. *Гусакова О.* Хранители веры. О жизни Церкви в советское время: автобиографические истории : [протоиерей Валериан Кречетов, протоиерей Сергей Правдолюбов, протоиерей Георгий Бреев, протоиерей Владимир Тимаков, Феодора Никитична Кузовкова и др.]. 2-е изд. Москва : Никея, 2018. 416 с.
34. *Ювеналий (Поярков Владимир Кириллович; митрополит).* Человек Церкви : К 20-летию со дня кончины и 70-летию со дня рождения митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, патриаршего экзарха Западной Европы (1929–1978). 2-е изд. Москва : Московская патриархия РПЦ, 1998. 407 с.
35. *Свеча Богу : Московский старец – протоиерей Василий Серебренников (1907–1996) :* сборник. Москва : Журнал «Москва», 1999. 240 с.
36. *Сосковец Л. И.* Советские верующие: общие социодемографические и культурные характеристики // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 62–65.
37. *Гераськин Ю. В.* Подача ходатайств об открытии храмов в 1940–1950-е годы как способ отстаивания конституционного права на свободу вероисповедания // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2008. № 15. С. 132–138.
38. *Леонтьева Т. Г.* Церковная повседневность эпохи позднего сталинизма в провинциальном измерении // Советское государство и общество в период позднего сталинизма, 1943–1953 гг. : материалы VII Межвузовской научной конференции, г. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. Москва : РОССПЭН, 2015. С. 8–16.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

* Настоящий материал (информацию) произвел иностранный агент Митрохин Николай Александрович, либо материал (информация) касается деятельности данного иностранного агента.